

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА *

А. С. Кан

Большое сходство в социально-экономическом и политическом развитии, тесные культурные взаимосвязи и общие исторические традиции скандинавских стран определили то, что историческая наука в Швеции, Норвегии и Дании¹ приобрела некоторые общие черты. Их суммарная характеристика поможет нам рассмотреть специфику историографии каждой из трех стран в отдельности. Отметим прежде всего, что скандинавская историография, в особенности историография нового времени, по своему классово-политическому содержанию относительно рано стала буржуазной. Антиаристократическая, антифеодалная традиция проходит через всю скандинавскую историческую литературу примерно до середины XIX в., пока борьба с дворянством не утратила своей актуальности. Отсутствие сколько-нибудь заметной феодально-дворянской историографии объяснялось не только сравнительной неразвитостью феодализма в Северной Европе, но и тесными политическими связями молодой буржуазии с королевской властью в борьбе против аристократии. Вместе с тем слабость революционного духа скандинавской буржуазии вела к умеренности, консервативности, монархизму самой буржуазной историографии. Только с конца XIX в., по мере усиления борьбы за парламентские реформы и углубления конфликта между правящими буржуазно-помещичьими кругами и мелкобуржуазной демократией, в скандинавской историографии сложилось демократическое, радикальное направление. Видные ученые — специалисты по истории нового времени, как правило, были здесь также активными политическими деятелями, занимали высокие правительственные посты и даже возглавляли в начале XX в. кабинеты. Научные интересы скандинавских историков, если не считать античников и востоковедов, обычно ограничивались отечественной тематикой. В области новой истории до 1918 г. преобладал интерес к политическим аспектам, а хронологически — к раннему периоду нового времени (до конца наполеоновских войн). Следует также отметить, что в начальный период развития скандинавской историографии нового времени важный вклад в нее был сделан крупными иностранными учеными, такими, как Пуфендорф и Вольтер, Шлецер (работавший также в России) и Малле, Фридрих Шиллер и др.

Эта общая характеристика с некоторыми поправками приложима и к социальному развитию и историографии самой крупной из скандинавских стран — Швеции. В течение XVIII и вплоть до начала XIX в. она была во многих отношениях самой развитой среди них: здесь раньше, чем в Норвегии и Дании, начали развиваться капиталистические

* В основу статьи положена глава из учебника по историографии нового времени, подготовленного к изданию кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного университета.

¹ В статье рассматривается историческая наука собственно Скандинавии, без Финляндии и Исландии.

отношения в промышленности и сельском хозяйстве, прежде пал и абсолютизм. Однако раннее обуржуазивание шведского дворянства наряду с относительно ранним возвышением буржуазии притупило антагонизм этих классов, которые уже в конце XVIII в. столкнулись с массой обездоленных полупролетариев города и деревни. Эти обстоятельства предопределили и более раннее развитие шведской буржуазной историографии нового времени по сравнению с датской и норвежской и ее особо консервативный, а затем и прямо реакционный характер. Великодержавные традиции правящих кругов Швеции, вплоть до 50-х годов XIX в. мечтавших о реванше в отношении России, наложили заметный отпечаток на буржуазную историографию, излюбленным предметом исследований которой в этот период стала история международных отношений и политических учреждений. Экономическая история и история народных масс в Швеции начали разрабатываться позже, чем в Дании и Норвегии.

К изучению истории нового времени шведские историки обратились в конце эпохи Просвещения — во второй половине XVIII века. Они опирались на уже сложившуюся в шведской историографии рационалистическую традицию, одним из основоположников которой был крупный деятель шведского просвещения, сатирик, публицист, драматург и историк У. Далин (1708—1763)². К этому времени в Швеции уже издавались источники, существовала периодическая печать, исследователи получили доступ в государственные архивы. В 1753 г. в Стокгольме была учреждена Академия литературы, истории и языка. Наличие всех этих условий позволило шведам — уже историкам-профессионалам — в последней трети XVIII в. создать первые труды по новой истории страны, охватывающие XVII — первую половину XVIII века. Написанные с позиций рационализма, а политически — просвещенного абсолютизма, эти работы главное внимание уделяли политической истории и деятельности королей. Небольшой группе историков этого времени — Свену Лагербрингу (1708—1787)³ и его ученикам — была присуща даже умеренно-демократическая тенденция: свои симпатии они отдавали тем монархам, которые действовали в духе идей просвещенного абсолютизма. Традиции просветительской историографии, с ее сухим рационализмом и назидательностью, сохранялись в Швеции до 20-х годов XIX века.

В начале XIX в., особенно после 1815 г., в Швецию вместе с немецкой идеалистической философией стали проникать идеи романтизма. Интерес к далекому прошлому резко усилился, и в 1817 г. в Стокгольме было основано Королевское общество издания рукописей по скандинавской истории. Как и в Германии, историки-романтики в Швеции были настроены враждебно к Французской буржуазной революции, защищали остатки сословного строя и идеализировали средневековую старину. Однако в период наполеоновских войн сама Швеция пережила верхушечную буржуазную революцию (1809 г.), которая окончательно устранила абсолютизм и подорвала еще сохранявшиеся устои феодальной собственности на землю. В стране энергично проводились буржуазные аграрные реформы. Удельный вес дворянства в управлении государством быстро падал, само дворянство окончательно обуржуазилось, и поэтому политическая позиция шведских историков-романтиков и главного из них — Гейера — была буржуазно-консервативной, а не феодально-консервативной, как в полукрепостнической, самодержавной Германии.

² O. Dalin. Svea rikets historia ifrån dess begynnelse til våra tider. D. I—III Stockholm. 1747—1762. Есть старинный русский перевод.

³ S. Lagerbring. Sammandrag av Svea rikets historia ifrån de äldsta til de nyaste tider, til ungdomens tjenst upsatt. Stockholm. 1775. О главных тенденциях просветительской историографии см. статью: С. А. Несслер. «Аристократифördömandet». En riktning i svensk historieforskning. «Scandia». В. XV. 1943, Н. 2.

Профессор Упсальского университета Эрик Густав Гейер (1783—1847) был не только историком, но также известным поэтом, политическим публицистом и философом-идеалистом⁴. Философия истории Гейера типично романтическая, в ней отчетливо видно влияние Берка и Адама Мюллера, философии шведских кантианцев и Шеллинга. Вся история рассматривалась им как органическое и закономерное развитие человеческого общества, народа, predeterminedное богом, то есть как непрерывное самораскрытие бога в некоем коллективном живом существе. В этой подчеркнутой религиозности исторической концепции Гейера сказались узоры, провинциализм шведской жизни первой трети XIX в., засилье лютеранского духovenства в университетах. Квинтэссенцией исторического развития объявлялось государство, а венцом государства — королевская власть, «народная монархия». Сильное, единое, национальное монархическое государство выступало как оплот благосостояния и процветания народа, его культуры. «История шведского народа есть история его королей», — утверждал Гейер.

Буржуазный характер взглядов Гейера проявился в том, что вслед за шведскими историками эпохи Просвещения он решительно осуждал феодальную анархию, могущество знати. Идеализируя с этих позиций шведское средневековье, Гейер отыскивал там союз королей и свободного крестьянства, хваля представителей шведского абсолютизма за расправы с аристократией. В основной его работе — «История шведского народа»⁵ (доведенной лишь до 1654 г.), как и в его последующих исторических трудах по истории Швеции XVIII в., мы находим это специфически шведское сочетание монархизма с весьма ограниченным демократизмом. Вероятно, именно последним объясняется скептическое отношение Гейера и его ближайших учеников к завоевательной политике шведских королей XVII—XVIII вв., особенно Карла XII. Начавшийся в Швеции в 30-х годах XIX в. промышленный переворот способствовал формированию буржуазного либерализма. Откликаясь на это явственное полевение своего класса, Гейер, сам сын горнозаводчика, в конце 30-х годов из консерватора превратился в либерала. «Ход развития таков, — писал он, — что буржуа, наконец, одержал верх над дворянином и священником». В статьях 40-х годов он пошел еще дальше, подвергая осуждению деспотический режим короля Густава III (конец XVIII в.). Теперь Гейер все меньше увлекался умозрительными построениями в духе романтиков, его исторические работы становились более строгими и доказательными, все чаще опирались на документальные, архивные материалы.

Гейеровская концепция «народной монархии» легла в основу работ большинства шведских историков вплоть до 70-х годов XIX века. Школа Гейера разрабатывала в основном государственно-политическую историю отдельных крупных периодов истории Швеции XVII—XVIII веков. Будучи в области источниковедения учениками Л. Ранке, ее приверженцы отдавали предпочтение актовым источникам по сравнению с повествовательными и государственным актам — по сравнению с частными. В методике исследования они далеко опередили основателя своей школы, но их либерализм был куда более умеренным, чем у позднего Гейера: напуганная революцией 1848 г., шведская буржуазия сильно поправила и довольствовалась весьма куцей парламентской реформой 1865 года.

Неоконченную «Историю шведского народа» Гейера продолжил профессор Упсальского университета и государственный деятель

⁴ Среди обильной шведской литературы о Гейере см. новейшую — В. Henningsen. Geijer som historiker. Stockholm. 1961. Старинный переводный «Очерк жизни и трудов» Гейера см.: «Журнал министерства народного просвещения», 1859, № 7.

⁵ E. G. Geijer. Svenska folkets historia. В. I—III. Stockholm. 1832—1836. (есть немецкий и другие переводы).

Ф. Ф. Карлсон (1811—1887). Главный труд его жизни — «История Швеции при королях Пфальцской династии» — посвящен внешней и внутренней политике основателей шведского абсолютизма (королей второй половины XVII в. Карла X и Карла XI)⁶. Это — монументальное сочинение, опирающееся на шведские и зарубежные государственные архивы. Круг использованных Карлсоном источников был несравненно шире, чем у всех его предшественников. Расширился и круг проблем: наряду с дипломатией и войнами Карлсон интересовался финансами и деятельностью парламента XVII века. Данная им отрицательная оценка правления аристократической олигархии (регентства) в Швеции в 60—70-х годах XVII в. стала надолго господствующей в шведской историографии. Карлсон впервые нарисовал достоверную историческую картину административных, военных и финансовых реформ Карла XI (конец XVII в.), завершивших формирование абсолютизма. В лице Карлсона (которого обычно сравнивают с Маколеем, Гизо и Минье) шведская наука достигла уровня западноевропейской историографии.

Следующий этап в развитии исторической науки в Швеции связан с именем младшего современника Карлсона — К. Г. Мальмстрема (1822—1912). Всю свою жизнь он посвятил изучению «эры свобод» (1718—1772) — своеобразному и противоречивому периоду дворянской конституционной монархии, близкой к республике⁷. Если Карлсон еще делил свое внимание поровну между внешней и внутренней политикой и, кроме того, сам был государственным деятелем и министром, то Мальмстрем являлся только кабинетным ученым и как типичный историк-либерал главное внимание уделял внутренней истории.

Видным представителем либерально-монархической историографии в Швеции был также К. Т. Уднер (1836—1904). Главный труд его жизни непосредственно примыкал к работам Мальмстрема об «эре свобод» и был посвящен эпохе «просвещенного абсолютизма» Густава III (1771—1792)⁸. Уднер также интересовался почти исключительно одной политической историей и вслед за Мальмстремом восторженно оценивал монархический переворот 1772 г. как «революцию сверху». Отражая поправление верхушки шведской буржуазии и помещиков в связи с ростом демократической мелкобуржуазной оппозиции и рабочего движения, Уднер всячески подчеркивал необходимость сильной королевской власти. Первым в шведской историографии он дал в целом объективную историю царствования Густава III, вокруг дел, личности и гибели которого в шведской литературе велась яростная полемика. Покончив с правлением буржуазной группировки «младших колпаков» и восстановив пошатнувшееся господство дворянства, Густав III в дальнейшем сам проводил политику буржуазных реформ в духе «просвещенного абсолютизма», объективно прогрессивную для того времени. В 1789 г. (накануне взятия Бастилии!) он ограничил привилегии дворян, что привело к конфликту с частью аристократии, а затем (в 1792 г.) к его убийству. Автор ряда школьных учебников, Уднер разработал периодизацию шведской истории, поныне господствующую в преподавании. Периодизация эта исходит исключительно из фактов политической истории и является типично буржуазной по своим принципам. Новое время датируется с победоносного восстания короля Густава Вазы против датского владычества и основания (в 1521 г.) независимого шведского государства. Первый период нового времени оканчивается 1611 г., когда на престол вступил Густав II Адольф, при котором Швеция стала вели-

⁶ F. F. Carlsson. Sveriges historia under konungarna af Pfalziska huset. D. 1—7. Stockholm. 1854—1885.

⁷ C. G. Malmström. Sveriges politiska historia från konung Karl XII: s död till statshvåfningen 1772. D. 1—6. Stockholm. 1855—1877.

⁸ C. T. Odhner. Sveriges politiska historia under Gustaf III: s regering. D. 1—3. Stockholm. 1885—1905.

кой державой. Великодержавие составляет второй период новой истории — до гибели Карла XII (1611—1718). Третий период заканчивается вместе с наполеоновскими войнами (1815 г.). Четвертый охватывает время с 1815 г. — «XIX век». В дальнейшем шведские буржуазные историки стали заканчивать его 1914 годом.

Новый подъем исторической науки в Швеции наступил в 70—80-х годах, когда была проведена реформа гуманитарного университетского образования, главным образом по немецкому образцу. В 1880 г. было основано Шведское историческое общество, приступившее в следующем году к изданию «Исторического журнала»⁹. Тематика исследований сузилась, но предъявляемые к ним требования по части привлечения и анализа источников возросли. Тогда же появились первые монографии по истории Швеции начала XIX в. — о государственном перевороте (верхушечной буржуазной революции) 1809 г., о шведской внешней политике во время наполеоновских войн, то есть о таких проблемах, которые прежде освещались лишь в крайне тенденциозных мемуарах и в публицистике. Впервые увидели свет шведские исследования по истории внескандинавских международных отношений. Однако в идейном, методологическом плане ничего нового в шведской историографии не произошло. Академическая наука оставалась на весьма консервативных позициях и отражала общий застой в духовной жизни страны. В Швеции, как известно, затянулся и период господства идеализма в философии, романтизма в искусстве. Шведская буржуазная историография к началу XX в. оказалась значительно правее, реакционнее, чем в Дании, не говоря уже о Норвегии. Влияние позитивистской философии сказалось на ней главным образом лишь в новейшее время.

В созданной в этот период первой коллективной «Шведской истории с древнейших времен»¹⁰ изложение политической истории велось от короля к королю и было полностью оторвано от «материального развития», о котором говорилось ничтожно мало. Последняя часть, посвященная «новейшей» истории, отражала концепции, враждебные рабочему движению, интеллигенции, парламентаризму, и воспевала послушание и богобоязненность шведского народа. В конце XIX в. самой острой проблемой «новейшей» шведской истории стало заключение унии с Норвегией в 1814 году. Острота объяснялась тем, что вокруг унии шла теперь политическая борьба между норвежцами и шведами. Шведские реакционные историки (О. Алин и др.) и юристы стремились доказать с помощью тенденциозного анализа государственных актов 1814—1815 гг., что Норвегия является владением Швеции и права норвежцев в рамках унии суть не более чем уступка шведам, которую последние вправе взять назад¹¹. Таким образом, к концу XIX в. либеральные воззрения шведских историков постепенно снова сменялись консервативными. Разрыв с либеральной историографией отчетливо проявился в пересмотре ее отрицательного отношения к агрессивной внешней политике шведских королей XVII—XVIII веков.

Духовным вождем и учителем большинства ведущих шведских историков первой трети XX в. был Харальд Эрне (1848—1922). Влияние Эрне осуществлялось главным образом через организованный им в 1899 г. исторический семинар при Упсальском университете — традиционном оплоте реакции. Научное наследие Эрне состоит из множества статей и этюдов на самые различные темы шведской и всеобщей истории. Историю Швеции он стремился рассматривать как часть общеевропейской истории в противовес известному провинциализму предшествующих ис-

⁹ «Historisk tidskrift». Stockholm. Выходит до сих пор.

¹⁰ «Sveriges historia från äldsta tid till våra dagar». D. 1—6. Stockholm. 1877—1881.

¹¹ О. Алин. Unionsfördragets tillkomst. Stockholm. 1889. Эта точка зрения изложена в русской брошюре: Э. Н. Берендтс. О шведско-норвежской унии. Ярославль 1895.

ториков. Эрне был мастером постановки новых проблем, историком с очень широким кругом интересов. По политическим взглядам он был консерватором эпохи империализма, врагом демократии и рабочего движения. По силе и характеру его влияния на шведских историков Эрне сравнивают с Ранке в Германии. Главная область научных интересов Эрне в новой истории — правление Карла XII¹². Отражая реваншистско-империалистические чаяния шведской реакции, он явился вдохновителем так называемой «новой школы» в изучении Северной войны 1700—1721 годов. Эрне критиковал либеральных историков XIX в. за недооценку этой важной эпохи шведской истории и за наивное объяснение шведских неудач личными пороками Карла XII. «Новая школа» видела причину поражения шведов и крушения шведского великодержавия в неблагоприятной международной обстановке и в роковых случайностях «русского похода» Карла¹³. В связи с этим Эрне первый призвал шведских историков всерьез заняться историей Польши и особенно России. Однако многочисленные и часто весьма тщательно выполненные исследования учеников Эрне обесценивались принципиальным одобрением ими завоевательной и особенно антирусской политики Карла XII. Все несчастья европейских народов Эрне объяснил «русской экспансией» и, между прочим, одним из первых стал глашатаем «европейской интеграции», «объединения» Запада против России.

Утверждение консервативно-националистической школы Эрне в шведской историографии нового времени было проявлением кризиса буржуазной историографии в Швеции и следствием дальнейшего поправления шведской крупной буржуазии в эпоху империализма. Вместе с тем школа Эрне задержала разработку социально-экономической истории страны. Последней в то время занимались главным образом экономисты и статистики, среди которых международную известность приобрел Г. Сундберг (1857—1914). Сундберг первый обратился к статистическим материалам (по времени своего появления и непрерывности статистика народонаселения Швеции стоит на первом месте в мире) как к историческому источнику. Ему удалось воссоздать состав и движение народонаселения Швеции с 1750 г. и пустить в научный оборот множество достоверных цифровых данных по экономике и экономической географии страны, по вопросам эмиграции из Швеции и пр.¹⁴. Ценность выводов Сундберга ограничивалась, однако, реакционностью его политических взглядов.

Прогрессивные веяния в изучении новой истории Швеции вплоть до 1918 г. оставались очень слабыми. Гиперкритическая «лундская школа» шведских историков (вокруг университета в Лунде), основанная братьями Вейбуль, не разделяла великодержавного шовинизма и политического консерватизма упсальской школы Эрне. Однако лундские историки занимались, как правило, ранним средневековьем.

Официальная университетская наука игнорировала выход на политическую арену Швеции новой силы — рабочего класса во главе с социал-демократической партией. Между тем к началу XX в. на шведский язык уже были переведены некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Положительное значение имели первые работы шведских социал-

¹² Н. Hjärne. Karl XII. Omstörtningen i Öst-Europa 1697—1703. Stockholm. 1903. В 1910 г. Эрне основал ежегодник по истории Швеции при трех Карлах: X, XI и особенно XII — «Karolinska förbundets årsbok», выходящий поныне.

¹³ См. юбилейный сборник к 200-летию со дня смерти Карла XII — «Karl XII. Till 200-årsdagen av hans död». Stockholm. 1918. Точка зрения «новой школы» ярко выражена в переведенной на русский язык работе А. Стилла «Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг.». СПб. 1912.

¹⁴ Главные историко-статистические исследования Сундберга и его сотрудников собраны в публикации Центрального статистического бюро Швеции «Sveriges land och folk» (Stockholm. 1900—1904), а также в 20-томном приложении к докладу Комиссии по вопросам эмиграции («Emigrationsutredning». Stockholm. 1909—1913).

демократов на историко-политические темы, например, двухтомник руководителя шведских социалистов Я. Брантинга «Век социал-демократии»¹⁵. Составленная по образцу и на основе аналогичного датского издания, эта обильно иллюстрированная книга популярно излагала историю демократического и рабочего движения в странах Западной Европы и в самой Скандинавии начиная с Великой французской революции. Однако в «Веке социал-демократии» отчетливо сказался ревизионизм Брантинга. Он внушал шведским рабочим веру в правоту «практичного» Лассалья против Маркса, Мильерана против Геда и «творчески мыслящего» Бернштейна против «ортодокса» Бебеля, твердил о ненужности «насильственных» средств борьбы для пролетариата. Опыт русской революции 1905 г. Брантинг начисто игнорировал.

Шагом вперед по сравнению с эклектической компиляцией Брантинга были исторические труды более молодых, а главное, более радикальных шведских социал-демократов: З. Хеглунда, Э. Вигфорса, И. Веннерстрема, А. Кемпе¹⁶. Книги Хеглунда — вождя левого революционного крыла шведской социал-демократии — и Вигфорса распространяли популярные знания об историческом материализме, об истории социалистической мысли. В книгах Веннерстрема и Кемпе методология исторического материализма впервые, хотя и неумело, прилагалась к новой истории Швеции. Кемпе, писавший уже в атмосфере революционного подъема 1917—1919 гг., дал яркий, остропартийный очерк классовой борьбы шведского крестьянства вплоть до начала XX века.



Историческое развитие другой скандинавской страны — Дании — приближалось к развитию германских государств, ее непосредственных соседей. В Дании раньше, чем в Швеции, выросли города, налажился товарообмен с заграницей, сложилось крупное помещичье хозяйство. Как и в большинстве германских княжеств, вплоть до конца XVII в. в Дании существовало крепостное право, а абсолютная монархия сохранилась до 1848 года.

В области развития наук — как естественных, так и гуманитарных — Дания долгое время шла впереди Швеции. Объяснялось это в первую очередь более ранним появлением богатого городского купечества и большим удельным весом городского населения вообще, территориальной близостью и тесными связями Дании со странами Западной Европы — Нидерландами, Францией и особенно Германией. Что касается изучения новой истории, то оно в Дании, напротив, тормозилось рядом обстоятельств: скудостью внутривосточной истории страны, поражениями датской внешней политики в начале нового времени, не вдохновлявшими историков-патриотов, цензурой печати, от которой датчане избавились гораздо позже шведов. Поэтому усилия лучших датских историков обычно сосредоточивались на сюжетах средневековья, на проблемах разыскания и критики древних текстов, а впоследствии также на археологических исследованиях. Крупнейшие датские историки XVIII—XIX вв. были медиевистами, а не специалистами по новой истории, как в Швеции.

Датчане гораздо больше шведов приобщились к трудам новой, эрудитской школы в западноевропейской историографии XVII века. Крупные заслуги в собирании и критике источников по скандинавской истории принадлежат датским историкам Гансу Граму (1685—1748) и его уче-

¹⁵ Hj. Branting. Socialdemokratiens århundrade. D. I—II. Stockholm. 1904—1906.

¹⁶ Z. Höglund. Socialismens historia i dess huvuddrag. Malmö. 1907; E. Wigforss. Materialistisk historieuppfattning och klasskamp. Malmö. 1908; I. Wennerström. Svenska utopister. Stockholm. 1913; A. Kämppe. Svenska allmogens frihetsstrider. D. I—III. Stockholm. 1918—1920.

нику Якобу Лангебеку (1710—1775). Лангебек возглавлял основанное в 1745 г. Общество отечественной истории и языка. Основателем просветительской историографии Дании и принадлежавшей датским королям Норвегии был знаменитый поэт и драматург Людвиг Хольберг (1684—1754). Больше всего он интересовался «новейшей» в то время историей XVII — начала XVIII века. Наряду с главным своим трудом по истории Дании¹⁷ Хольберг, опираясь на уже имевшуюся тогда, в частности в самой Дании, историческую литературу, создал также первые в Скандинавии сочинения по всеобщей истории, начиная от «времен» Адама и библейского потопа. Идеологически Хольберг был убежденным сторонником политики просвещенного абсолютизма и выражал настроения датско-норвежской буржуазии, охотно поступавшей на королевскую службу и видевшей в установлении абсолютизма шаг на пути к гражданскому равенству. Для просветителей, клеймивших пороки средневековья, вообще был свойствен интерес к современной им истории и притом к истории внутренней. В 80-х годах XVIII в. в Копенгагенском университете уже читались публичные лекции на эту тему. Появившиеся в конце XVIII в. первые труды по статистике отчасти являлись попыткой создать экономическую историю Дании.

Однако под впечатлением событий Великой французской революции правительство, ранее проведшее буржуазные реформы в духе «просвещенного абсолютизма», установило в стране режим политической реакции. Идеи Просвещения были отброшены как опасные для существующего строя. С началом нового, XIX в. властителями дум дворянско-бюргерской интеллигенции надолго стали немецкие философы-идеалисты. Крупнейший датский педагог, поэт, историк епископ Николай Грунтвиг (1783—1872) создал, опираясь на взгляды немецких и английских мыслителей, глубоко религиозную философию истории. И для него, как и для Гейера, история означала развитие, однако развитие божественных предначертаний. В истории человечества, как и в истории отдельного человека, Грунтвиг находил стадии детства (древний мир), юности (средние века) и зрелости (новое время). Современную ему буржуазную цивилизацию Запада он считал старостью человечества. Главным предметом собственно исторических трудов Грунтвига — его «Всемирной истории»¹⁸ — было средневековье, которое он крайне идеализировал.

Характерной особенностью взглядов Грунтвига и вслед за ним всей датской историографии первой половины и середины XIX в. был скандинавизм, то есть восторженный интерес к древнескандинавскому культурному наследию, превознесение добродетелей скандинавских народов, подчеркивание их взаимной близости и солидарности. Идеи скандинавизма были широко восприняты также шведами и норвежцами. Поскольку скандинавизм способствовал преодолению вековой датско-шведской и датско-норвежской вражды и взаимному культурному обогащению северных народов, он сыграл положительную роль. Однако в середине XIX в. получил распространение скандинавизм политический, то есть идея создания великой скандинавской державы с общим королем и общей границей. Такая разновидность скандинавизма носила реакционный характер, так как была направлена на сохранение под властью Дании Шлезвига и Гольштейна и на возвращение Финляндии под власть Швеции. Идеи политического скандинавизма отвечали интересам правящих кругов, главным образом Дании, искавшей союзников в своей борьбе с германскими государствами. «Скандинавизм,— писал Ф. Энгельс в 1848 г.,— был той формой, в которой датчане апеллировали к поддержке

¹⁷ L. Holberg. Danmarks Riges Historie. B. I—III. Kjøbenhavn. 1732—1735. Есть русский перевод XVIII века.

¹⁸ N. Grundtvig. Haandbog i Verdenshistorien. B. I—III. Kjøbenhavn. 1833—1843.

шведов и норвежцев»¹⁹. В историографии нового времени скандинавизм проявился в идеализированном изображении взаимоотношений Датско-Норвежского королевства и Швеции в XVII—XVIII веках. Обе скандинавские державы веками враждовали друг с другом, но историки-скандинависты (К. Палудан-Мюллер и К. Ф. Аллен в Дании, К. Стюффе и М. Вейбуль в Швеции и др.) сосредоточивали внимание на возникновении Кальмарской унии, на коротких периодах датско-шведской дружбы, в частности на взаимоотношениях обоих скандинавских государств в конце XVII века. Под влиянием романтиков в Дании усилился интерес к истории вообще и в особенности к средневековью, когда Дания была сильнейшей державой Севера. Еще с 1814 г. здесь выходил первый общескандинавский «Северный журнал» по гуманитарным наукам. В 1839 г. было основано Датское историческое общество, в 1840 г., почти на полвека раньше, чем в Швеции, оно начало издавать старейший в Европе «Исторический журнал»²⁰. С обострением классовых противоречий в Дании в конце 30—40-х годов XIX в. (либералы добивались конституции; возникло организованное буржуазно-демократическое движение «Друзья крестьян», направленное против еще сильных феодальных пережитков) в датской историографии происходит более резкое, чем в шведской, политическое размежевание. В противовес верноподданнически настроенному большинству историков молодой историк К. Ф. Аллен (1811—1871) стал на либеральные позиции. Его популярное «Пособие по отечественной истории»²¹, проникнутое ненавистью к дворянству, сочувствием к крестьянам и бюргерству, получило широкую известность (8 изданий) и было переведено на иностранные языки. Аллен уделил большое внимание внутренней истории, положению народных масс. Однако фундаментальная исследовательская работа в области новой истории началась лишь после успешного революционного подъема 1848—1849 гг., когда Дания из абсолютистской стала конституционной монархией с более демократической, чем в Швеции, избирательной системой. Историки впервые получили доступ к государственным архивам. Стали издаваться «Ежегодные сообщения королевского тайного архива». Возможности для изучения нового времени, то есть как раз эпохи абсолютизма в Дании (1660—1848), улучшились. К более злободневной тематике толкал датских историков и наболевший шлезвиг-гольштейнский вопрос.

В персональной унии с Данией находились объединенные герцогства Шлезвиг-Гольштейн. Датская буржуазия и ее партия — национал-либералы, понимая неизбежность объединения Германии, добивались отделения Шлезвига как древней датской территории от чисто немецкого Гольштейна и включения первого в состав Датского королевства. В борьбу между Данией и герцогствами включились историки. Немецкие ученые оспаривали притязания датских национал-либералов на Шлезвиг. В Дании стали выходить шовинистические сборники статей «Антишлезвиг-гольштейнские фрагменты». В 1864 г. обострение шлезвиг-гольштейнского вопроса привело к неудачной войне Дании с Пруссией и Австрией. Вместе с правительством и партией национал-либералов, несшими ответственность за тяжелое поражение страны, оказались скомпрометированными и идеи скандинавизма. В Дании на весь остаток XIX в. пришли к власти помещики и чиновники-консерваторы, против которых боролась буржуазно-демократическая оппозиция в нижней палате парламента («конфликт двух палат»). Консерватором был и первый крупный датский историк, специалист по новому времени Эдвард Хольм (1833—1915). После ряда работ по истории датской внешней по-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 420.

²⁰ «Historisk Tidsskrift». København. Выходит до сих пор.

²¹ С. F. Allen. Haandbog i Faedrelandets historie med stadigt henblik paa folkets og statens indre udvikling. København. 1840. Есть немецкий перевод.

литики XVIII в., в частности русско-датских отношений, он издал «Внешнеполитическую историю Дании — Норвегии во время Французской революции и наполеоновских войн (1791—1807)». Главным же труд его жизни был посвящен всей истории Дании — Норвегии в XVIII — начале XIX в., до прекращения унии между ними в 1814 году²². В трудах Хольма больше внимания, чем в близких по тематике работах шведа Мальмстрема, уделено социально-экономической истории, воздействию передовых общественных идей. Хольм отдавал себе отчет в том, что главным фактором общественного развития XVIII в. было возвышение нового класса — буржуазии.

Поражение 1864 г. способствовало пробуждению в среде датской интеллигенции стремления к пересмотру сложившихся оценок историков — романтиков и скандинавистов. В обстановке последующего бурного развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности чрезвычайно оживилась духовная жизнь Дании. В 1871 г. в Копенгагене начал читать свой знаменитый курс истории европейской литературы датский критик Георг Брандес (1842—1927), приверженец позитивизма и натурализма. На лекциях и статьях Брандеса воспитывалась группа молодых историков радикально-позитивистского направления, выступившая в конце 70-х годов. Все эти историки были выходцами из средней и мелкой буржуазии и разделяли программу буржуазно-демократической оппозиции (венстре). Наиболее известными среди них являлись Эрслев, Фридерисиа и Рубин. Кристиан Эрслев (1852—1930) был первым датским медиевистом европейского масштаба. Он во многом способствовал улучшению исторического образования в Дании и создал целую школу историков, отличавшуюся особенно скрупулезным, строгим подходом к источнику (Общество по изданию источников для датской истории основано в 1877 г.)²³. И. Фридерисиа (1849—1916) разрабатывал проблемы падения сословно-аристократической монархии в Дании XVII в. и перехода к абсолютизму. Занимался он и падением крепостного права в Дании конца XVIII века²⁴. Ему принадлежали первые датские учебники по новейшей для того времени истории. Эти учебники отличаются сочувственным отношением к рабочему движению, к социалистическим учениям. В них уже имеются понятия «промышленная революция», «пролетариат», «капитализм», различается социализм утопический и научный, дается весьма обстоятельная характеристика К. Марксу²⁵. Марк Рубин (1854—1923), директор датского Статистического бюро, впервые в Дании применил статистические методы к историческому исследованию, одним из первых стал изучать экономическую историю страны в новое время²⁶.

В 1900-х годах, после установления в Дании парламентаризма и прихода к власти венстре, эти историки заняли ведущие позиции в датской историографии. В коллективной «Истории датского государства» (1896—1907)²⁷ проблемы новой истории Дании решались с позиций бур-

²² Edv. Holm. Danmark-Norges historie fra den Store nordiske krigs slutning til Rigernes Adskillelse. D. I—VII. KØbenhavn. 1891—1912; e j u s d. Danmark-Norges udenrigske historie under den Franske revolution og Napoleons Krige fra 1791 til 1807. D. I—2. KØbenhavn. 1875.

²³ См. его классическое пособие по методике исследования: Kr. Er s l e v. Historisk Teknik. KØbenhavn. 1911. Есть немецкий перевод.

²⁴ J. A. Fr i d e r i c i a. Adelsvaeldens Sidste Dage. KØbenhavn. 1894; e j u s d. Den danske Bondestands Undertrykkelse of Frigorelse. KØbenhavn. 1888.

²⁵ J. A. Fr i d e r i c i a. Den nyeste tids historie. D. I—III. KØbenhavn. 1903—1906. Один из прогрессивных для того времени датских учебников по новой истории был переведен на русский язык по инициативе И. В. Луцицкого: А. Торсое. История нашего столетия, 1815—1899 гг. Т. I—2. Киев. 1902.

²⁶ M. R u b i n. 1807—1814. Studier til KØbenhavns og Danmarks Historie. KØbenhavn. 1892; e j u s d. Bidrag til KØbenhavns befolkningsstatistik i hundredaaret 1630—1730. KØbenhavn. 1881—1882.

²⁷ «Danmark Riges Historie». D. I—VI. KØbenhavn. 1896—1907.

жуазного демократизма. Реакционная политика правящих кругов страны в XIX в.— консерваторов и национал-либералов — подвергалась суровой критике. Не случайно последний раздел «Истории датского государства» был написан одним из лидеров партии венстре, будущим премьер-министром Н. Неергором. Усиление прогрессивного направления в датской историографии выразилось в возросшем интересе к изучению экономической истории и положения народных масс. В этой области работал и крупнейший датский историк-медиевист Эрик Аруп (1876—1951), примыкавший к мелкобуржуазной партии радикалов²⁸. Тяга широких общественных кругов к прочному нейтралитету Дании получила отражение в монографиях О. Фрииса и других ученых о крупных датских политиках XVIII в.— графах Бернсторфах, старшем и младшем, поборниках нейтрального курса²⁹.

В конце XIX в. в Дании — раньше, чем в остальных скандинавских странах,— были переведены отдельные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса (например, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). В самом начале нового века социал-демократическая партия издала фундаментальный очерк европейской и скандинавской истории под названием «Век социал-демократии»³⁰ (см. сказанное выше об аналогичном труде Брантинга). Накануне первой мировой войны датское социал-демократическое издательство выпускало особую «Социалистическую библиотеку», включавшую и брошюры по истории. Выдающимся пропагандистом идей исторического материализма в Дании был Густав Банг³¹. Впрочем, и у него мы находим обычное ревизионистское представление об отсутствии связи между материалистическим пониманием истории и философским материализмом.



Норвегия со времени реформации и до наполеоновских войн была фактически провинцией Дании. Сравнительно более суровые природные условия в сочетании с эксплуатацией страны датской казной и особенно датским торговым капиталом обусловили особую материальную бедность норвежцев — слабость городов, мелкий характер крестьянских поселений и производства в целом. Вместе с тем Норвегия отличалась и наименьшим развитием феодальных отношений. В XVIII в. здесь уже почти не осталось дворянства, высшим классом общества были богатые горожане и тесно связанные с ними чиновники. В XIX в. Норвегия, несмотря на свою бедность, оказалась в социально-политическом отношении самой передовой из скандинавских стран, что отмечал и Ф. Энгельс. «Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина,— писал Энгельс в 1890 г.,— и вследствие этого он настоящий человек по сравнению с опустившимся немецким мещанином»³².

Проведенная датскими королями лютеранская реформация навязала норвежцам датский литературный язык. Вплоть до второй половины XVIII в. норвежские труды по истории были частью датской историографии. Зачинатель датского Просвещения Хольберг был уроженцем Норвегии и в своих сочинениях рассматривал оба государства как единое целое. Датские эрудиты XVII—начала XVIII в., по происхождению порою норвежцы и даже исландцы, положили начало и публикации источников по истории Норвегии. Первым представителем собственно нор-

²⁸ E. Arup. Kommissionshandelens Praksis og Teori i engelsk og tysk Handelsliv 1350—1850. København, 1907.

²⁹ A. Friis. Bernstorfferne og Danmark. D. I—II. København, 1903—1919.

³⁰ C. E. Jensen og Fr. Borgbjerg. Socialdemokratiets Aarhundrede. D. I—II. København, 1901—1904.

³¹ G. Bang. Den materialistiske Historie-Opfattelse. København, 1915; e j u s d. Arbejderklassens Liv og dens Kamp. B. 1—2. København, 1915.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 420.

вежской просветительской историографии считается Герхард Шеннинг (1722—1780), который сосредоточил все свои интересы на норвежском средневековье.

За годы наполеоновских войн Норвегия обособилась от Дании. Здесь возникло буржуазно-национальное движение — фактически буржуазная революция, провозгласившая в 1814 г. независимость страны. Хотя полную независимость норвежцам сохранить не удалось — победители Наполеона навязали им вместо унии с Данией унию со Швецией, — положение Норвегии после 1814 г. существенно улучшилось. Она получила широкую внутреннюю самостоятельность и в дальнейшем успешно сопротивлялась попыткам шведского правительства превратить унию из персональной в реальную.

Деятели норвежского освободительного движения 1814 г. — К. М. Фальсен, Ник. Вергеланн — в своих публицистических выступлениях охотно обращались к норвежским древностям, а в истории Норвегии до XIV в., в «исконной свободе» ее крестьян находили аргументы в пользу права норвежцев на независимое существование. Эпоху унии с Данией они клеймили как «политическое преступление Дании по отношению к Норвегии». В 20-х годах выходил первый норвежский журнал, посвященный преимущественно отечественной истории, — «Будстиккен» («Эстафета»). В 1831—1832 гг. начало свою издательскую деятельность Общество языка и истории норвежского народа. Участники революционных событий 1814 г. написали первые труды по истории тех событий — с позиций норвежского буржуазного национализма. Наиболее известен среди этих авторов Хенрик Вергеланн (младший)³³.

В 40—50-х годах XIX в. первые профессиональные историки Я. Р. Кейсер (1803—1864) и особенно П. А. Мунк (1810—1863), овладевшие новыми тогда принципами научной критики источников, создали норвежскую буржуазную историческую школу. В этом либерально-романтическом направлении опять-таки преобладал интерес к средневековью, и притом раннему, к героическому прошлому древней Норвегии, когда страна была самостоятельной. Время после 1814 г. рассматривалось историками как продолжение развития, прерванного четырьмя веками датского господства³⁴.

В середине XIX в. среди норвежской буржуазной интеллигенции распространились идеи скандинавизма. Свойственная историкам-романтикам вражда к былым угнетателям — датчанам ослабела. Интерес исследователей переместился от раннего средневековья к позднему, ко временам датско-норвежской унии (1380—1814 гг.), в особенности к периоду после 1536 г., когда Норвегия утратила внутреннюю самостоятельность. Появились такие работы, как «Государственный строй Норвегии и Дании до 1814 г.» экономиста Т. Аскехоуга и «Норвегия в унии с Данией» Э. Сарса³⁵. Последний доказывал, что одатчанивание Норвегии в XVI—XVIII вв. было поверхностным и прогресс страны продолжался.

Попытки шведского королевского правительства крепче привязать Норвегию к Швеции и крушение скандинавской солидарности в датско-прусской войне 1864 г. способствовали разочарованию норвежской буржуазной интеллигенции в скандинавизме и новому подъему национальных чувств. После 1870 г. в Норвегии все успешнее развивался отечественный капитализм, обострялись политические противоречия между «унионистами» — верхушкой бюрократии и буржуазии, довольной унией с консервативной Швецией, и «антиунионистами» — демократическими слоями сельской и городской буржуазии. Выступавшая от их имени пар-

³³ H. Wergeland. Norges Konstitutions Historie. Christiania. 1841—1843.

³⁴ P. A. Munch. Det norske folks historie. D. I—VIII. Christiania. 1852—1863.

³⁵ T. H. A s c h e h o u g. Statsforfatningen in Norge og Danmark indtil 1814. Christiania. 1866; E. Sars. Norge under foreningen med Danmark. 1537—1814. D. I—III. Christiania. 1858—1865.

тия «левых» (венстре) добилась еще в 1880—1884 гг. установления в Норвегии парламентаризма и боролась за полное равенство Норвегии со Швецией в рамках унии. Норвежские историки решительно раскололись на унионистов-консерваторов и националистов-демократов.

Вышеупомянутый историк и видный деятель партии венстре буржуазный демократ Эрнст Сарс (1835—1917) явился в 70-х годах создателем новой, по сути дела, первой целостной концепции исторического развития Норвегии. Главный труд Сарса назывался «Обзор норвежской истории»³⁶. Сарс был эволюционистом, вдохновлялся идеями Конта и Спенсера, трудами Бокля и Токвиля. В центре концепции Сарса находилась нация как единый и непрерывно развивающийся организм. Единство и постоянство исторического развития Норвегии коренятся, по Сарсу, в ее общественном строе, в ее крестьянской демократии, пережившей столетия унии, а вовсе не в расовой чистоте норвежского народа, не в «германском индивидуализме», как думали историки-романтики. Сарс выдвинул диалектический закон исторического развития Норвегии: упадок аристократии в средневековой Норвегии обусловил ее подчинение датчанам; в унии с Данией Норвегия сохранила и укрепила свою народную, крестьянскую демократию; в новое же время именно отсутствие аристократии и сила демократии стали источником возрождения Норвегии. Норвегия — страна своеобразная и самобытная, подчеркивал Сарс, а вовсе не придаток к более сильным скандинавским державам. Унии с ними хороши лишь временно, лишь постольку, поскольку готовят страну к разрыву самих же уний. Сарс прямо связывал политику с историей. Не случайно именно он позднее дал первый общий очерк политической истории Норвегии XIX века³⁷. Сарс, конечно, был идеалистом: историю, с его точки зрения, двигали идеи и принципы, заложенные в общественном строе. Социально-экономическим факторам он придавал весьма малое для историка-позитивиста значение. Он не видел феодальной эксплуатации, которой подвергалось норвежское крестьянство XVI—XVII вв., несмотря на свою личную свободу. Тем не менее его «национально-демократическая» концепция была наиболее прогрессивной и для Норвегии конца XIX в. и для всей Скандинавии.

Норвежские консервативные историки, оставшиеся на «оборонительных» унионистских позициях, не создали своей общей концепции и лишь критиковали Сарса за умозрительный характер его построений, за недостаточную работу над источниками, за политическую тенденциозность. В области новой истории они продолжали разработку проблем «1814 года», но в отличие от Сарса и с большим основанием выводили движение в пользу независимости не столько из исконного свободолюбия норвежского крестьянина, сколько из национальных устремлений чиновно-бюргерской верхушки норвежского общества конца XVIII века. Наряду с М. Биркеланом тут особенно следует назвать И. Нильсена (1843—1916), первого крупного исследователя проблем истории Норвегии XIX века. Несмотря на свое положительное отношение к унии со Швецией, Нильсену в конце концов все же пришлось вступить в полемику со шведскими историками-шовинистами и доказывать равноправие своей страны по договорам 1814—1815 годов³⁸. Норвежский народ собственным суверенным волеизъявлением вступил в унию со Швецией, утверждали норвежские историки, и, следовательно, Норвегия вправе расторгнуть унию. Отсутствие в Норвегии XIX в. дворян-помещиков и слабость крупной буржуазии имели своим следствием то, что даже норвежские консервативные историки идейно-политически стояли подчас левее шведских историков-либералов того времени. Они уже разделяли

³⁶ E. Sars. Udsigt over den norske historie. D. I—IV. Christiania. 1873—1891.

³⁷ E. Sars. Norges politiske historie 1815—1885. Kristiania. 1904.

³⁸ Y. Nielsen. Bidrag, til Norges historie i 1814. B. I—II. Kristiania. 1882—1886; e j u s d. Norges historie efter 1814. D. I—III. Kristiania. 1882—1892 (доведено до 1837 г.).

интерес западноевропейской позитивистской историографии к социально-экономическому исследованию (тот же Нильсен), поэтому их консерватизм не помешал им более верно, чем Сарс, оценить значение географической среды и материальных интересов в истории Норвегии. Об успехах норвежской исторической науки свидетельствовало основание в 1869 г. Норвежского исторического общества. В 1870 г. оно приступило к изданию «Исторического журнала» в Христиании (Осло)³⁹.

После разрыва шведско-норвежской унии в 1905 г. политические разногласия в норвежской буржуазной историографии сгладились. Итогом исследовательской работы норвежских буржуазных историков конца XIX — начала XX в. явилась коллективная «История Норвегии для норвежского народа», написанная в духе концепции Сарса⁴⁰. Теперь, когда главный вопрос национальной политики был решен, на первый план выдвинулась социально-экономическая тематика, настала пора и для более объективного изучения проблем XIX века. В отличие от других скандинавских стран историки социал-демократы Халвдан Кут и Эдвард Буль заняли в норвежской историографии начала XX в. весьма видное, а после 1918 г. — ведущее место. Конечно, эти историки, особенно Кут, не были настоящими марксистами и восприняли многое у позитивистской «культурной истории» Лампрехта. Тем не менее они сыграли прогрессивную роль в норвежской историографии и оказали положительное влияние на буржуазных историков. Норвежская историография нового времени стала в первой трети XX в. наиболее левой в Скандинавии. Явлений идейного кризиса здесь еще не видно.

Х. Кут (род. 1873) уже в 1910-х годах выступил со статьями, где предложил в противовес Сарсу материалистическое объяснение ряда проблем новой истории Норвегии, исходя из классовых борьбы и классовых интересов. Он впервые показал громадное значение крестьянских массовых движений в поступательном развитии Норвегии XVI—XIX веков. Он подметил такую важную особенность классовых борьбы в Норвегии, как антагонизм крестьян и городской буржуазии. Провозглашение независимости страны и принятие Эйдсвольской конституции в 1814 г. Кут справедливо расценил прежде всего как революцию, а не как завершение развития, начатого до XIX в. (Сарс)⁴¹. В противовес «народническому» тезису Сарса об исключительности исторического развития Норвегии Кут показал его сходство, параллелизм с общеевропейским процессом. Реформистская ограниченность взглядов Кута сказывалась, однако, в том, что он всегда подчеркивал общность национальных интересов и примат их над классовыми в условиях Норвегии. Сама классовая борьба есть в его глазах составная часть подъема нации в целом. Характерно, что именно Кут первым среди крупных норвежских историков отказался от употребления датско-норвежского языка и стал писать на так называемом новонорвежском языке, подчеркивая тем самым свой национализм. Начатая Кут в годы мировой войны биография крупнейшего политического деятеля Норвегии Свердрупа впервые освещала историю классовых борьбы в Норвегии второй половины XIX в., однако с реформистских, эклектических позиций⁴². Первым в Норвегии Кут выступил и с работами по всеобщей истории.

В целом вплоть до 1920-х годов разработка проблем новой истории и публикация источников по новой истории тормозились в Норвегии малым количеством научных кадров и бедностью страны по сравнению с Данией и Швецией.

³⁹ «Historisk tidsskrift». Kristiania. Издается поныне.

⁴⁰ «Norges historie fremstillet for det norske folk». D. 1—6. Kristiania. 1909—1917.

⁴¹ Н. К о h t. 1814. Norsk dagbok hundre aar etterpå. Kristiania. 1914; см. также сборник его ранних статей — «Innhogg og utsyni; norsk historie». Kristiania. 1921.

⁴² Н. К о h t. Johann Sverdrup. D. I—III. Kristiania. 1916—1922.